

НАУЧНАЯ ШКОЛА «ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Научный руководитель:
Александр Александрович Гугнин,
доктор филологических наук, профессор

Историко-контекстуальный метод изучения литературы возник не спонтанно, но явился результатом многолетних поисков и попыток найти такие способы изучения отдельного художественного произведения, творчества отдельного писателя, и, наконец, понимания истории отдельной национальной литературы, которые бы в наиболее возможной для меня степени соответствовали критерию Истины. Первым шагом на этом пути стало сомнение в истинности весьма распространенной поговорки *«исключение подтверждает правило»*. Эту поговорку я уже к 20 годам просто возненавидел и ввел для себя вместо нее другую поговорку *«исключение упраздняет правило»*. Это маленькое открытие заставляло меня каждый раз спотыкаться, когда я встречался с «исключением», и биться на месте до тех пор, пока я не понимал суть этого исключения, которое должно было привести к открытию другого – более объемного – правила... А поводов для этого было предостаточно. Обучаясь в МГУ им. М.В. Ломоносова на славянском, русском и романо-германском отделениях филологического факультета, я читал тексты писателей и углублялся в историю национальных литератур. В то же самое время известные профессора и доценты читали нам курсы лекций по теории литературы, и я эти лекции внимательно слушал и конспектировал. Постепенно я стал замечать, что преподаваемая теория не соответствует ни конкретным произведениям, ни конкретному историко-литературному процессу в разных странах. Например, в 1960-х годах развернулась довольно длительная дискуссия о романтизме, и на лекциях по теории литературы преподаватели почти хором говорили о *«реакционном»* романтизме английских поэтов «озерной школы» (Вордсворт, Кольридж, Саути) и о *«революционном»* романтизме Байрона – не говоря уже о *«реакционно-консервативном»* романтизме В.А. Жуковского, которого я любил с раннего детства и который не казался мне ни «консервативным», ни тем более «реакционным». Пришлось сидеть в Ленинской библиотеке и читать английских поэтов по-английски. И, конечно, «озерная школа» показалась мне намного «прогрессивнее» молодого Байрона, который обрушился на нее с критикой. Так, уже к третьему курсу я перестал доверять большинству теоретиков литературы, полагаясь на свое собственное прочтение текстов.

Первым этапом (1967–1976) стал для меня этап осмысления эмпирического материала по истории немецкой литературы и самостоятельная разработка «метода эмпирических обобщений» (впоследствии выяснилось, что сам «метод эмпирических обобщений» был впервые научно обоснован академиком В.И. Вернадским в 1920-годах, а Вернадский – в свою очередь – возводил этот метод к Гёте в большой работе «Гёте как естествоиспытатель» (1938, опубликована позднее). Я интуитивно стал искать единую методологию для смежных, но все же далеко разошедшихся ветвей филологии. Особенно плодотворной на данном этапе была научная стажировка в Берлинском университете им. А. фон Гумбольдта (1969–1970), изучение немецкой школы германистики, работа в Институте германистики в Берлине, в немецких архивах и библиотеках. Основные итоги – интуитивное понимание развития литературы и культуры как неотъемлемой части развития «живого вещества природы» (термин В.И. Вернадского, впервые введенный в 1908 г.), что в литературоведческой практике выразилось в понимании важности учета (и тщательного изучения) регионального аспекта в исследованиях по истории национальной лите-

ратуры и отразилось в нескольких научных статьях, а также в дипломной работе (1972) и кандидатской диссертации (1976).

На втором этапе (1976–1983) я продолжал изучение современного мирового литературного процесса и целенаправленно стремился понять, как «живое вещество природы» функционирует и эволюционирует в реальных произведениях, творческих поисках писателей, в историко-культурном процессе. Работа редактором в ведущем журнале «Иностранная литература», затем научным редактором в издательстве «Прогресс» и заведующим редакцией зарубежной литературы издательства «Радуга», многочисленные встречи с писателями разных стран, поездки по служебным делам и на международные научные семинары, работа в качестве составителя книг, автора предисловий, комментариев и переводчика почти во всех крупнейших издательствах позволили значительно глубже понять современный историко-культурный процесс и усовершенствовать эмпирические, а затем и научные представления о литературных и внелитературных контекстах, необходимых для более продуктивного понимания не только самих художественных произведений (от рукописей до книг), но и многочисленных факторов, влияющих на творчество писателей и на историко-литературный процесс в целом.

Третий этап: 1984–1998. Разработка историко-контекстуального метода на материале истории национальной литературы нижнелужицких и верхнелужицких сербов – самого малочисленного славянского народа, проживающего на территории Германии по историческим источникам с 5–6 веков н.э. Интерес к серболужичанам, с которыми я познакомился во время поездки по Германии, заставил меня перейти на работу в Институт славяноведения и балканистики РАН и привел к защите докторской диссертации «Основные этапы развития серболужицкой литературы в славянско-германском контексте» (1998); в процессе исследований было опубликовано 5 монографических очерков и более 100 статей, связанных с разработкой отдельных аспектов историко-контекстуального метода. Правда, тогда я называл свой способ изучения литературы «историко-контекстуальным подходом» и «осмелел» только тогда, когда все оппоненты по диссертации дружно призвали меня «не скромничать». Апробация результатов проводилась в России, Германии, Австрии, Италии, Украине, Беларуси, во время стажировок в Серболужицком институте (Баутцен/Будишин). В 1997 г. меня избрали Иностранным членом Матицы серболужицкой, что является высшей формой признания заслуг иностранного ученого в рамках национальной культурной организации серболужичан (Домовина). С конца 1993 г. я разработал проспект международного Научного центра славяно-германских исследований и возглавлял его в 1994–2007 гг. С 1994 г. был избран (по совместительству) заведующим кафедрой зарубежной литературы МГОПУ им. М.А. Шолохова, где также получил широкие возможности для разработки и апробирования историко-контекстуального метода на лекциях, спецкурсах, спецсеминарах, направляя в это же русло и научные разработки кафедры.

Четвертый этап: 1999 – по настоящее время. С 7 мая 1999 г. я возглавил кафедру мировой литературы и культурологии в Полоцком государственном университете. В первые годы наряду с предварительной организаторской работой по созданию научной школы в Полоцке (открытие аспирантуры и магистратуры, введение литературоведческих предметов и факультативов, затем открытие филологических специальностей, проведение международных научных конференций и семинаров и др.) идеи научной школы развивались в основном в сотрудничестве с российскими академическими институтами (Институт славяноведения, Институт мировой литературы, Институт искусствознания) и университетами (МГУ, МГГУ, МГОУ и др.), а также с издательствами, научными и научно-популярными журналами. За эти годы удалось сохранить филиалы научной школы в Москве и создать новые в Смоленске, Санкт-Петербурге, Минске. С 2002 г. кафедра мировой литературы и культурологии стала базовой площадкой для встреч и обмена научной информацией и обсуждения совместных проектов. С переездом историко-филологического факультета и кафедры в Полоцк работа активизировалась, и после защиты первых кандидатских диссертаций (Д.А. Кондаков, С.М. Лясович, Н.В. Нестер, Т.М. Гордеенок), а с также переездом на постоянную работу в Полоцк доцента А.В. Коротких на кафедре была создана база для более интенсивного развития и международного научного сотрудничества. В 2008 году был осуществлен первый набор студентов на вновь открытую филологическую специальность «Романо-германская филология»; к настоящему времени проведено пять выпусков по этой специальности (все распределены), что позволило пополнить кафедру молодыми квалифицированными специалистами и обеспечить полное соответствие со специальностями магистратуры и аспирантуры (10.01.03 – Литература народов стран зарубежья). К настоящему времени я подготовил 14 кандидатов филологических наук (восемь – в Москве и шесть – в Полоцке).

Разумеется, никакой метод – даже если он выстрадан всем опытом жизни и непрерывным трудом – не может претендовать на окончательность; если же такое случается, то метод «закостеневаает», превращается в догматическую систему, которая может незаметно стать тормозом для дальнейшего развития науки и даже самой жизни (если метод становится господствующим, как это в свое время случилось с «триадой» Гегеля, а в сфере литературы и литературоведения – с методом социалистического реализма, который многие годы внедрялся не только в литературу и науку, но и во все сферы культуры, ис-

кусства и системы образования). Изучив немало философских систем и везде натываясь на их схематизм и оторванность от изменчивой динамики жизни, я уже в годы «перестройки» начал постепенно трансформировать метод «эмпирических обобщений» в *«жизненное литературоведение»*, рассматривая данное понятие не как метод или систему, но как принцип нерасторжимого единства жизни и науки. Если высшей целью и высшим смыслом науки является поиск Истины, то как же может быть наука оторвана от личности ученого, который эту Истину ищет? Ведь ученый ищет Истину не как механический робот, а как живая личность, изначально наделенная огромным набором присущих человеческому роду качеств, – от первобытных инстинктов до высоких понятий о совести и нравственности. Может ли это не накладывать отпечаток (или даже определять) на целеполагание его поисков – независимо от той отрасли науки, в которой он эту свою Истину ищет? На мой взгляд – не может! Поэтому свою первую лекцию в Полоцком государственном университете, которую я в начале февраля 1999 года прочитал, будучи еще профессором кафедры немецкого языка, я назвал «О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки» – назвал инстинктивно, совершенно не имея представления о своих достаточно многочисленных слушателях, но совершенно четко зная, что вуз, в котором я решил трудиться до конца своей жизни, изначально создавался как вуз технический. До сих пор не знаю, кто и как понял эту мою лекцию (впоследствии я опубликовал восемь тезисов под таким же названием), но основная мысль моя была до примитивности проста: все науки – от математики до философии – создавались (сочинялись) конкретными людьми (личностями), и как бы впоследствии ни дробились и ни разветвлялись эти отдельные науки, настоящий ученый никогда не может забывать, что Наука в принципе едина, поскольку вся она создается человеком. Эта совершенно простая и совершенно очевидная мысль имеет, однако, много важных последствий – как для самой науки, так и для всех, кто хочет ей всерьез заниматься... В годы «перестройки», когда цензура стала постепенно ослабевать, я написал немало статей, в которых, используя свой накопленный жизненный и научный опыт, высказывал свои соображения по целому ряду актуальных тогда проблем: писал о глобализации и постмодернизме, охотно выступал на различных дискуссиях и «круглых столах», с начала 1990-х годов мне каждый год приходили десятки приглашений из-за рубежа для чтения лекций и участия в семинарах (естественно, за счет приглашающих сторон). Всё это публиковалось, находило одобрение, и я несколько лет активно использовал эти возможности для обогащения жизненного и научного опыта и – не в последнюю очередь – для пополнения своей научной библиотеки самыми новейшими источниками (из некоторых командировок удавалось привезти до ста килограммов книг). В плане жизненного и научного опыта «перестройка», конечно, кое-что прибавила. Но после переезда в Полоцк времени стало хватать только на поддержание контактов с Москвой, участия в нескольких российских научных проектах и на постепенное налаживание необходимых контактов внутри Беларуси (меня сразу же ввели в специализированный совет БГУ по литературоведению, в 2007–2015 годах я работал как член экспертного совета ВАК Беларуси по литературоведению и знакомился со всеми диссертациями по этой отрасли науки, а в качестве оппонента ездил в Россию). Всё это отнимало немало времени, но и позволяло практически увидеть и почувствовать общее состояние данной отрасли науки, ее пробелы и просчеты. Но об этом в данной публикации вряд ли стоит говорить (я неоднократно эти проблемы «озвучивал» везде, где приходилось выступать)...

Для полноты информации стоит обозначить хотя бы некоторые основные направления, по которым развивается исследовательская деятельность нашей международной научной школы (в настоящее время это – 7 докторов филологических наук, более 30 кандидатов филологических наук и колеблющееся число аспирантов и магистрантов): национальная литература и отдельные ее представители в региональном, национальном, европейском и мировом литературном и историко-культурном контексте; сравнительное литературоведение с учетом национального, регионального, европейского и мирового литературного контекста; народный фольклор и литература в национальном, региональном, европейском и мировом литературном контексте; многоуровневый анализ художественного текста как методологическая проблема; определение основных параметров анализа художественного текста на уровнях «текст как таковой», художественный текст в синхронном и диахронном аспектах в творчестве конкретного писателя, художественный текст в синхронном и диахронном аспектах в контексте национальной, европейской и мировой литературы. При разработке отдельных проблем особое внимание в рамках научной школы обращается на историко-контекстуальный характер мирового литературного процесса, основополагающим звеном которого является художественное произведение, изучаемое в рамках школы *на девяти уровнях*, теоретически обоснованных и практически разработанных в 1970–1990-х годах и разрабатываемых дальше в рамках школы. Естественно, я не требую от своих учеников и соратников педантичного следования каким-то незыблемым догмам «школы» (таковых просто не существует): каждый имеет право вести собственный научный поиск, ставить новые вопросы и искать на них ответы...

*д-р филол. наук, проф. А.А. Гугнин
(Полоцкий государственный университет)*